

# КАЖДЫЙ СПЕКТАКЛЬ — КАК ПРЕМЬЕРА



Его дебют на сцене получился неудачным. Тогда он, пятиклассник, на школьном празднике выступал с песней про Черное море. Пел с чувством, звонко. Но припев зал встречал добродушным смехом, потому что мальчишка дугал буквы «щ» и «ч». Вот и вышло: «Самое синее в мире — Щёрное море моё...».

Прошли годы. Теперь Владимира Казакова, актера Архангельского театра драмы имени М. В. Ломоносова, зрители хорошо знают по многим спектаклям. В этом же театре сначала он закончил студию. Уроки сценической речи победили коварные «щ» и «ч». А голос, выразительный мягкий баритон, пригодился в первой же серьезной роли, предложенной студийцу на третьем курсе. Владимир играл цыганенка Ваню, которого отогрели добрые люди. Живые темные глаза, смоляные волосы исполнителя, его горячий характер как раз соответствовали роли. Был в спектакле момент, когда песня помогала особенно полно раскрыть образ героя. Кузнец, у которого Ваня был в подручных, как-то за работой тихонько начал цыганский напев. Ваня, затаившийся до этого, как маленький зверек, сначала неуверенно, потом громче подхватил песню... И зритель почувствовал, как у мальчишки, хлебнувшего лиха, оттаивает душа, как доверчиво начинает он тянуться к людям, которых раньше опасался...

Позже у Казакова песня станет спутницей в спектакле «Мальчишки из Соломбалы», поставленном по известной повести Е. Коковина. Там он играл маленького ненца. Протяжную характерную мелодию Севера актер подобрал сам.

После студии Владимир заочно окончил актерский факультет ГИТИСа. Взрослели мальчишки, которых он играл. Интересно, что среди героев В. Казакова можно встретить характеры резко противоположные. Вот, скажем, Миша Ерофеевский в спектакле «Прости меня» В. Асафьева и Егорша в дилогии по романам Ф. Абрамова «Две зимы и три лета», «Дом». Основательный сибиряк Миша с чистой, светлой душой, юношеским максимализмом, робкой первой любовью — таков герой В. Казакова в «Прости меня». А Егорша повеса, за словом в карман не полезет. Хороший вроде бы парень, да норовит полегче устроиться, повеселее пожить... На сцене Егорша часто появляется с гармошкой. Актер на этом инструменте

играть не умел. Можно было бы, конечно, «дать звук» за сценой. Но Владимир отказался от бутафории, стал осваивать лады. Месяца три бился, пока не запела гармошка в его руках. И перепляс при этом получался...

Взрослую жизнь Миши, погибшего совсем юным на войне, мы можем домыслить. Это был бы надежный человек, непримиримый к неправде и подлости. Продолжение судьбы «первого парня на деревне» Егорши В. Казаков показывает в «Доме» — второй части дилогии. Теперь он, как сам говорит, мужчина в расцвете сил, но душа его опустошена. Все, что было заложено хорошего в натуре Егорши, развеяно, разбросано. «И все-таки, — говорит артист, — не хотелось играть Егоршу как безнадежно отрицательного персонажа. Важно было показать, что желание взять побольше для собственного удовольствия, уйти от ответственности и в любви, и в отношении к односельчанам, ведет к нравственному падению, деградации личности».

У каждого актера есть роли любимые. Как правило, они становятся вехами на пути к высокому мастерству. У Казакова это спектакль по повести В. Распутина «Живи и помни». На этот раз он предстал перед нами и автором инсценировки, и режиссером, и исполнителем. Владимир говорит, что повесть потрясла его, и возник замысел воплотить ее на сцене. С согласия автора приступил к инсценировке, сделал несколько вариантов. Старался сохранить, донести до зрителя прелесть и своеобразие распутинской прозы. Сложность еще заключалась в том, что в повести много действующих лиц, а на сцене только двое: Андрей Гуськов и Настена. У В. Казакова были верные единомышленники, чуткие партнеры — исполнительница роли Настены Л. Бынова, художник-оформитель Е. Брежнев, да и у всего коллектива театра нашел он поддержку. Спектакль не раз был показан в сельских клубах. Зрители приходили за кулисы, благодарили актеров, многие — и не только те, кто пережил войну, — не могли сдержаться слез... Очень дорога Владимиру эта благодарность зрителей, — и на каждый спектакль он идет, как на премьеру.

Андрей Гуськов после госпиталя неожиданно для себя самого становится дезертиром. Он только хотел увидеть жену Настену, попросить у нее прощенья за прошлые вины перед нею, — но, отступив, сбился и запутался в самом себе... Актер не торопится выносить ему беспощадный приговор. Он исследует, как мог дойти человек до предательства. Ведь Андрей не трус — на передовой он не хитрил. В. Казаков постепенно показывает, как человек, один раз поддавшись слабости, гибнет морально, духовно. Потачил было Гуськов за собой и любящую его Настену. Но она, с ее совестливым характером русской женщины, решает свою судьбу и судьбу будущего ребенка по-своему. В. Казаков в инсценировке несколько изменил финал, предложенный автором. В повести Настена гибнет в страхе перед людским справедливым судом. А в спектакле она как бы решает искупить вину мужа и свою собственную. Тихо откидывает шаль, медленно ступает в черную воду, как в пропасть... И это усиливает трагизм ситуации — Гуськов обречен жить и помнить, какой страшной ценой оплачена его вина.

Сейчас у В. Казакова новый замысел — поставить повесть известного архангельского прозаика С. Жернакова «Непокорный паынок». Задел за живое его молодой герой повести — талантливый и самобытный паырень, с необычным именем Роден...

М. КОСТИНА.

На снимке: Владимир Казаков в спектакле «Живи и помни». В роли Настены артистка Л. Бынова.

*Права берега. Архангельск, 1982, 27 января*